

Н. Л. Дмитриева

~~Аннотаций~~
«Отрывок из неизвестных записок дамы».

Проблема завершенности/незавершенности произведения нередко оказывается весьма непростой и может повлечь за собой еще целый ряд вопросов: что следует печатать как основной текст, что относить к вариантам, каков жанр произведения. Ярким примером такого произведения-загадки может послужить пушкинский «Рославлев».

В конце мая 1831 г. вышел роман М. Н. Загоскина «Рославлев или русские в 1812 году»: в Москве в продажу роман поступил не позднее 30 мая 1831 г. (см. объявления книгопродавцев в «Московских ведомостях» от 30 мая 1831 г.). Предыдущий исторический роман Загоскина «Юрий Милославский или русские в 1612 году» имел «блистательный» и «вполне заслуженный успех»¹, потому появление нового романа ожидалось с большим интересом. 8 мая 1831 г. Пушкин пишет Е. М. Хитрово, что роман Загоскина о войне двенадцатого года еще не вышел и что автор переделывает некоторые главы². Как видим, Пушкин, подобно многим, с нетерпением ожидал появления нового романа и интересовался ходом работы над ним. «Рославлев», правда, не оправдал ожиданий: он не имел того успеха, что «Юрий Милославский» ни в литературных кругах, ни среди широкой публики.

Реакция Пушкина на «Рославлева» была мгновенной: в черновой рукописи пушкинского «Рославлева» проставлена дата «22 июня 1831». Пушкин мог получить роман от самого Загоскина через О. М. Сомова только после 15 июня³. Он мог приобрести роман и раньше, но ценамного: во второй половине мая — в июне Пушкин был в Петербурге и Царском/Селе, а сообщение о продаже «Рославлева» во всех книжных

1. Пушкин. Полн. собр. соч. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949. Т. 11. С. 93. (Далее все цитаты из Пушкина даются по этому изданию, в сносках указываются том и страница).

2. Пушкин. Т. 14. С. 164.

3. Русская старина. 1902, сентябрь. С. 620.

лавках Петербурга появляется в «Северной пчеле» 12 июня. 3 июля Пушкин пишет Вяземскому: «Рославлева» прочел» и спрашивает его мнение о романе: «Очень желаю знать, каким образом ты бранишь его»⁴. Вяземский, однако, не проявил такого интереса к роману как Пушкин и только 24 августа ответил, что прочитал роман и что в нем «нет истины ни в одной мысли, ни в одном чувстве, ни в одном положении».⁵ Пушкин соглашается с Вяземским, но замечает, что «положения, хотя и натянутые, занимательны, что разговоры, хотя и ложные, живы и что все можно прочесть с удовольствием»⁶, что он, очевидно, и сделал, учитывая ту скорость, с которой он отреагировал на появление «Рославлева».

Роману Загоскина, несомненно, присущи отмеченные Пушкиным живость и занимательность. Загоскин изобразил события 1812 года (которых он, кстати, был непосредственным участником) в романтически-мелодраматическом свете. Интрига сильно запутана, в повествовании с самого начала наличествует ощущение тайны, в романе много эффектных сцен и неожиданных развязок. Загоскин очень талантливо рисует бытовые сцены, у романа имеется целый ряд бесспорных достоинств. Автор, однако, несколько прямолинейно разделяет понятия добра и зла: «добродетельные люди в его романах точно добродетельны, а злодеи — не шутя злодеи»⁷. Отсюда некоторая схематичность в изображении персонажей. Главный герой — благородный и добродетельный Рославлев оказывается чересчур возвышенным (насколько симпатичнее его друг — Зарецкий, которому присущи определенные слабости и недостатки!). Героиня — Полина — выглядит и вовсе бесцветной. По свидетельству Нащокина ее образ настолько не понравился Пушкину, что он-то и послужил причиной написания его «Рославлева»: Полина «казалась ему слишком опошленной; ему хотелось представить, как он изобразил бы ее»⁸. Конечно, та поспешность, с которой Пушкин ответил на появление романа, не может объясняться только его антипатией к героине. Главная тема романа — тема любви к Отечеству — была очень актуальна в момент его выхода в свет. События 1812 года ассоциировались с современной обстанов-

4. Пушкин. Т. 14. С. 187.

5. Пушкин. Т. 14. С. 214.

6. Пушкин. Т. 14. С. 221.

7. Белинский В. Г. Собр. соч. в 9-ти томах. Т. 5. М., 1979. С. 210.

8. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Барте-невым. Под ред. М. А. Цявловского. М., 1925. С. 39.

кой — с польским восстанием 1830—1831 гг., с угрозой интервенции западно-европейских стран, и в первую очередь — Франции. Пушкина все это очень волновало: «В 1831 г. один знакомый встретил Пушкина в Петербурге на улице задумчивого и озабоченного. «Что с вами?» — «Все читаю газеты.»—«Так что же?»—«Да разве вы не понимаете, что теперешние обстоятельства чуть ли не так же важны, как в 1812 году?»—отвечал Пушкин».⁹ В упоминавшемся выше письме к Хитрову от 8 мая 1831 г. Пушкин сообщает, что Загоскин переделяет некоторые главы, а именно те, в которых речь идет о поляках. Однако в романе Загоскина поляки не играют существенной роли; как пишет Н. В. Измайлов, «поляки не интересовали Загоскина, интересовался же ими Пушкин, всецело поглощенный событиями на берегах Вислы».¹⁰ Пушкин пишет в своем письме к Хитрову: «Поляки 1831 года доставляют намного больше хлопот, и их роман далеко еще не закончен».¹¹ В это время Пушкин пишет стихотворения «Перед гробницею святой», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина». Естественно, при том настроении, в котором пребывает в это время Пушкин, роман, посвященный 1812 году и трагующий тему патриотизма, не мог не затронуть его. «Рославлев» Загоскина весь пронизан русской идеей. Перед лицом опасности русский человек оставляет все ненужное: русские дворяне освобождаются от своего французского воспитания. Так происходит с французоманом Зарецким — русским в душе. Для Загоскина важна идея единения в момент опасности, нависшей над отечеством. И, когда русские люди всех сословий объединяются для борьбы с неприятелем, героиня романа Полина соединяет свою судьбу, пусть с благородным, но все-таки с врагом своего отечества, — это в дальнейшем не приносит ей счастья. Пушкину должно было казаться наивным такое понимание патриотических чувств, как стремление перед лицом врага-француза порвать со всем французским, в то время как французский язык и французская культура прочно вошли в жизнь русского дворянства. Именно поэтому в его «Рославлеве» слова в защиту патриотизма русского народа произносит француженка — мадам де

---

9. Разговоры Пушкина: репринт. воспроизведение изд. 1929 г. — М., 1991. С. 168.

10. Измайлов Н. В. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово 1827—1832 гг. //Труды Пушкинского дома. Вып. XVIII. Л., 1927. С. 108.

11. Пушкин. Т. 14. С. 164.

Сталь, именно поэтому его Полина нарочно говорит по-французски в гостиных вдруг «наполнившихся патриотами». Пушкинский «Рославлев» — это полемическая реплика на роман Загоскина. Совершенно неверно называть его «Рославлева» повестью и даже историческим романом. Напротив, абсолютно справедливо утверждение о том, что это проведение носит публицистический характер.¹² Пушкин явно не собирался писать роман; вообще трудно представить, что он стал писать исторический роман, переиначивая сюжет чужого произведения и заставляя по-своему действовать персонажей другого писателя.

Поскольку Загоскин пишет, что интрига его романа основана на истинном происшествии (и действительно, еще во время войны с Наполеоном появлялись сообщения о браках русских дворянок с французскими военнопленными¹³), пушкинская героиня обращается к сюжету романа с целью исправления якобы неверно изложенных событий. Пушкин отталкивается от загоскинского сюжета, но далее события развиваются иначе. Таким образом, его произведение оказывается совершенно самостоятельным. Внимание Пушкина останавливается не на образе героя, а на образе героини. Вообще нельзя с уверенностью сказать, присутствует ли в пушкинском повествовании сам Рославлев. Одни исследователи считают, что жених Полины, брат рассказчицы — Рославлев¹⁴. Другие полагают, что Рославлев выпал из произведения¹⁵. Н. В. Измайлов находит, что брат рассказчицы скорее наделен чертами друга Рославлева, Зарецкого; это замечание справедливо. Впрочем, если Полина Пушкина не похожа на Полину Загоскина, то и герой может быть совсем другим. Мы скорее склоняемся к мысли о том, что Рославлев вообще не присутствует в пушкинском повествовании. В пользу такой точки зрения говорит и то, что Рославлева у Загоскина зо-

---

12. Томашевский Б. В. Пушкин и народность // Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 51; Сидяков Л. С. Художественная проза А. С. Пушкина. Рига, 1973. С. 103.

13. См.: Гуковский Г. А. Об источнике «Рославлева» // Пушкин. Временник 4-5. М.-Л., 1939.

14. Благой Д. Д. Исторические романы Пушкина // Пушкин. Арап Петра Великого. Рославлев. Капитанская дочка. М., 1965.; Филиппова Н. Ф. Закончен ли пушкинский «Рославлев»? // Русская литература. 1962.

15. Измайлов Н. В. Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. С. 110. Оксман Ю. Г. «Рославлев» // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 6. «Путеводитель по Пушкину». Приложение к журналу «Красная нива». М.-Л., 1931. С. 318.

вут Владимиром Сергеевичем, а жениха пушкинской Полины зовут Алексеем (впрочем, француз, ставшего мужем Полины, в романе Загоскина зовут Сеникур. Пушкин называет пленного французского офицера Синекур, хотя пишет: «назову же и его именем, данным ему г-ном Загоскиным».) Правда, следует отметить: поскольку изображается, что речь идет о действительно существовавших людях, подразумевается, что их имена — условные, и Пушкин это оговаривает.

Неопубликованные части пушкинского произведения напечатаны в посмертном издании под заголовком «Рославлев», с тех пор за ним утвердилось это наименование. Однако правильность выбора такого заголовка спорна. На первом листе белого автографа, действительно, проставлено заглавие «Рославлев», но заголовок этот носит явно условный характер — произведение не может называться по имени отсутствующего персонажа (даже если считать, что он присутствует, его имя не названо, и он является второстепенным лицом). Об условном характере заголовка свидетельствует и то, что он написан пушкинской рукой карандашом, тогда как сам автограф написан чернилами. Кроме того, «карандашное» заглавие говорит о том, что речь идет не о романе или повести, а о рецензии на «Рославлева» Загоскина.

Пушкинское повествование обрывается. Многие считают его «Рославлева» незаконченным произведением¹⁶ и строят предположения о дальнейшем развитии сюжета, сравнивая его с ходом интриги у Загоскина, благо простор для этого большой. Например, о дальнейшей судьбе героини известно только, что к моменту написания «Записок дамы» ее уже нет в живых и что она была «несчастной женщиной». Кроме того, соблазн для построения догадок представляет и такая оброненная о ней фраза: «Увы! К чему привели ее необыкновенные качества души и мужественная возвышенность ума?». Можно строить разные предположения о судьбе пушкинской Полины, однако думал ли Пушкин продолжать повествование о ней? Более убедительно звучит мнение тех, кто считает пушкинского «Рославлева» законченным произведением. Д. Д. Благой отмечает, что о законченном характере пушкинской работы свидетельствует план, имеющийся в черновой рукописи. План

---

16. Измайлов Н. В. //Пушкин А. С. Стихотворения и поэмы. Чкалов, 1949; Мейлах Б. С. //Пушкин А. С. Стихотворения. Т. 1. Л., 1954; Степанов Н. Л. Проза Пушкина. М., 1962; Петров С. М. Исторический роман А. С. Пушкина. М., 1953

полностью охватывает содержание того, что написано Пушкиным¹⁷. (Правда, в конце черного автографа есть фраза, которую предположительно можно прочесть как «фельдъегерь едет за (нрзб.)», однако скорее всего эта фраза не относится к «Рославлеву»). Ю. Г. Оксман пишет, что дальнейшее развертывание действия невозможно, т. к. стала бы видна искусственность связи «Отрывка» с романом Загоскина. Кроме того, Ю. Г. Оксман считает, что в пушкинском произведении отражен весь фонд заметок Пушкина о дворянстве 1811-1812 и 1831 гг., о пребывании г-жи де Сталь в России, о русской литературе, о русских женщинах: в словах Полины можно узнать строки полемики Пушкина с Мухановым о Жермене де Сталь, а также слова Пушкина из письма к Вяземскому от 27 мая 1826 г. В характеристике дворянского общества заметны пушкинские впечатления 1831 г. (см. письмо к Хитрово от 26 марта 1831 г.). В рассуждениях рассказчицы о русской литературе находят отражение строки «Альбома Онегина», мысли о русских женщинах — в заметке «О дамах» из «Table-talk»¹⁸. О завершенности «Рославлева» пишут Л. С. Сидяков¹⁹, Н. Ф. Филиппова²⁰, отмечая, что Пушкин полностью решил поставленную задачу, и продолжение повествования оказывается лишенным смысла. В самом деле, Пушкин дал своеобразный отзыв на роман Загоскина, представив совершенно в ином свете Полину, сказав то, что считал нужным сказать о понятии патриотизма, выразив свое отношение к политической обстановке времени появления романа. Поскольку речь идет не о романе, а о рецензии, пушкинский «Рославлев» — вполне законченное произведение.

До нас дошли три источника — два рукописных: черновой автограф в рабочей тетради 1829—1836 гг. и белой автограф, а также один печатный—помещенный Пушкиным в III томе «Современника» 1836 г. под заголовком «Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)». Черновой текст самый большой. В переписанном набело автографе убрана довольно значительная часть (м. б., правда, он не полностью сохранился). Печатает же Пушкин еще более короткий текст, до минимума сократив развитие сюжета. Можно с уверенностью утверждать, что для передачи основного замысла Пушкина

---

17. Благой Д. Д. Исторические романы Пушкина. С. 20.

18. Оксман Ю. Г. «Рославлев». С. 318-319.

19. Сидяков Л. С. Художественная проза Пушкина. С. 101-102.

20. Филиппова Н. Ф. Закончен ли пушкинский «Рославлев»? С. 58-59.

описание дальнейших событий, связанных с судьбой Полины, необязательно. Таким образом, попытки представить возможное развитие сюжета абсолютно бессмысленны. Любопытно, что дата «22 июня 1831» проставлена в черновом автографе после текста, соответствующего напечатанному Пушкиным, — можно высказать предположение, что Пушкин сразу сумел выразить главное, дальнейшее повествование не углубило его замысел.

Можно высказать еще одно предположение, почему Пушкин выбирает для публикации именно этот отрывок. Ю. Г. Оксман полагает, что отрывок выбран по цензурным соображениям²¹. Нам, однако, кажется, что отрывок этот выигрышен сам по себе. В третьем томе своего «Современника» (впрочем как и во втором, и в четвертом) Пушкин помещает материал, посвященный нашествию Наполеона. Он стремится разнообразить содержание журнала и из имеющегося у него материала в числе прочего выбирает записки о 12-годе, написанные им еще в 1831 г. Поместив свою рецензию на «Рославлева» Загоскина, Пушкин подает ее как подлинные записки дамы: «Отрывок из неизданных записок дамы» напечатан без подписи, в конце помечено «с французского», очевидно для того, чтобы подчеркнуть, что это действительно дамские записки Пушкину важно подкрепить свою мистификацию, и он выбирает отрывок ярко выраженного мемуарного характера, который достигнут благодаря присутствию исторического лица — мадам де Сталь. Известно, что в конце 1820— начале 1830-х гг. существовала целая масса поддельной мемуарной литературы, в которой исторические лица иногда сами выступали главными героями, а иногда играли роль своеобразного исторического фона для приключений вымышленных персонажей. (Об этом жанре и об одном из ярких его представителей — французском писателе Е.-Л. Ламоте-Лангоне, творчество которого было известно Пушкину и среди персонажей которого встречается мадам де Сталь, было подробно рассказано в докладе А. Глассе, прочитанном на I международной Пушкинской конференции в июне 1991 г.²²). Пушкин прибегает к этому же приему, но делает это очень тонко. Во-первых, важную роль тут играет приведенный текст записки мадам де Сталь к Полине. Записка, как

21. Оксман Ю. Г. «Рославлев» С. 319

22 Глассе А. «Пушкин и популярная французская литература 1820—1830 гг.».

это справедливо отмечено Н. Е. Мясоедовой, не предполагает каких-то изменений в развитии сюжета, она использована только как способ передачи мемуарного характера произведения²³. (Р. Е. Терехина сопоставляет записку г-жи де Сталь к Полине с подлинной ее запиской к З. А. Волконской и делает предложение, что Пушкин видел эту записку.²⁴) Далее, рисуя портрет мадам де Сталь, Пушкин обращается к свидетельствам людей, действительно знавших ее.²⁵ В упомянутом докладе А. Глассе высказывается предположение, что Пушкин мог использовать детали портрета мадам де Сталь, почерпнутые им из «Записок знатной дамы» (Lamoignon E.-I. Mémoires et souvenirs d'une femme de qualité sur Louis XVIII, sa cours et son règne par O...C-sse de... Paris, 1829) Однако более верным нам кажется ее последующее замечание о том, что оба они обращались к свидетельствам очевидцев. Образ Жермены де Сталь из пушкинского «Отрывка» очень достоверен. Пушкин пишет: «Видели в ней пятидесятилетнюю толстую бабу, одетую не по летам». В 1812 году мадам де Сталь было 46 лет. Обратимся к свидетельствам людей, знавших и видевших г-жу де Сталь. С. С. Уваров, близко знакомый с ней, отмечает в своих записках, что это была женщина «среднего роста, довольно полная»²⁶. А. П. Бутенев, восхищаясь г-жей де Сталь, вспоминает, что «только ее изысканный туалет был неподходящ ни к ее летам, ни ко всей обстановке»²⁷. У Пушкина мадам де Сталь свертывала «прекрасными пальцами трубочку из бумаги». В предисловии к собранию сочинений мадам де Сталь ее родственница, мадам Неккер де Соссюр, пишет о своей кузине, что единственной привычкой, которую за ней замечали, была еще детская привычка крутить пальцами кусочек бумаги.²⁸ Обратимся вновь к запискам Уварова: «В руках у г-жи де Сталь вер, любимая игрушка, которую она в случае надобности заменяет небольшим куском бумаги». Уваров пишет о «белых»,

---

23. Мясоедова Н. Е. Мемуарная форма в художественной прозе А. С. Пушкина //Пушкин и русская литература. Рига, 1986. С. 64.

24. Терехина Р. Е. Пушкин и З. А. Волконская //Русская литература 1975. № 2. С. 143-144.

25. См. об этом Лотман Ю. М. Три записки к пушкинским текстам //Пушкин. Временник. Л., 1977. С. 91.

26. Литературное наследство. Т. 33-34. М., 1939. С. 233.

27. Бутенев А. П. Воспоминания //Русский архив. 1833. Кн. 1. С. 21.

28. Necker de Saussure. Notice sur le caractère et les écrits de madame de Staël //Oeuvres complètes de madame de Staël. Bruxelles, 1830. Т. 1. P. 22.

«приятной округлости» руках мадам де Сталь²⁹. Растопчин в письме Александру I от 26 июля 1812 г. сообщает, что г-жа де Сталь уехала из Москвы, «поиграв умом и показав свои прекрасные руки»³⁰. Пушкин, рисуя портрет мадам де Сталь, говорит о ее «черных» глазах. Г-жа Неккер де Соссюр отмечает «великолепие» ее глаз³¹. Уваров вспоминает «живые черные глаза» г-жи де Сталь³².

Пушкин не ограничился воспоминаниями очевидцев, он воспользовался впечатлениями самой мадам де Сталь о пребывании в России, обратившись к ее книге «Десять лет в изгнании» (1821, опубликовано посмертно). «Десять лет в изгнании» — это незаконченные путевые заметки о вынужденном пребывании Жермены де Сталь-Гольштейн в Германии, Швейцарии, Австрии, Польше, России. Путешествию по России посвящены 10 глав второй части книги, где де Сталь подробно описывает свои впечатления о Киеве, Москве, Петербурге. Ее принимали очень гостеприимно, приглашали на званые обеды. Отец Полины также дает обед в честь мадам де Сталь. Описывая в своей книге высшее общество Москвы и Петербурга, мадам де Сталь делает подчас не очень лестные замечания: «общество слишком многочисленно для того, чтобы вести по-настоящему содержательную беседу»,³³ «все представители высшего света обладают превосходными манерами, однако нет ни достаточной образованности среди дворян, ни достаточного доверия между людьми»,³⁴ «в России не привыкли говорить ни от глубины души, ни от глубины ума».³⁵ Вспомним, что говорит пушкинская Полина: «Она (т. е. мадам де Сталь) привыкла быть окружена людьми, которые ее понимают, для которых блестящее замечание, сильное движение сердца, вдохновенное слово никогда не потеряно; она привыкла к увлекательному разговору высшей образованности. А здесь... Боже мой!» и т. д. Среди «светской черни» пушкинского «Отрывка» г-жа де Сталь отмечает, однако, одно лицо — а именно Полину. В заметках о России де Сталь чита-

---

29. Литературное наследство. С. 233.

30. Литературное наследство. С. 269.

31. Necker de Saussure. P. 169.

32. Литературное наследство. С. 233.

33. Staël. Dix années d'exil //Oeuvres complètes de Staël T. XV. Bruxelles, 1830. P. 226.

34. Ibid. P. 226.

35. Ibid. P. 226-227.

ем: «Женщины в Петербурге, однако, казалось, были полны того патриотического достоинства, которое составляет моральную мощь государства»³⁶. Пушкинская Полина, восхищаясь мадам де Сталь и ужасаясь ограниченности общества, восклицает: «По крайней мере, она видела наш добрый народ и понимает его»; мадам де Сталь в своей книге много и с симпатией пишет о русском народе: «В характере этого народа — не бояться ни усталости, ни физических страданий; в характере этой нации наблюдается терпение и деятельность, веселость и грусть, в нем соединились самые резкие контрасты»³⁷; «Я не увидела ничего варварского в этом народе»³⁸; «Я часто представляю себе этих милых девушек, этих крестьян с их длинными бородами, столь спокойно шедших дорогой, которую им начертало провидение: они погибли или в бегах, т. к. никто из них не пошел на службу к завоевателю»³⁹ и др. В «Десятилетнем изгнании» неоднократно упоминаются бороды русских крестьян, например: «Но пока хотелось бы, чтобы бороды были сохранены, столько они придают силы и достоинства лицу»⁴⁰. Мадам де Сталь из пушкинского «Отрывка» говорит о русском народе: «Народ, который, тому сто лет, отстоял свою бороду, отстоит в наше время и свою голову». Отметим, что у Пушкина мадам де Сталь не принимает участия в событиях, происходящих с героиней и это придает характер достоверности повествованию (в «Записках знатной дамы» Ламота-Лангона она участвует в приключениях героини и это снижает эффект подлинности). Любопытно, что Пушкин ставит в заглавии «1811 год», в то время как мадам де Сталь приезжает в Россию в 1812 г. Такая «ошибка» не портит картину подлинности, может быть даже, напротив, способствует ей — при написании личных мемуаров весьма типична путаница в датах (впрочем, начало «Записок» относится к зиме 1811 г.).

Мистификация Пушкина состоялась: Б. В. Томашевский приводит курьезный факт, когда французский исследователь принял «Отрывок из неизвестных записок дамы» за подлинный исторический материал и процитировал в своей работе

---

36. Ibid. P. 250.

37. Ibid. P. 195.

38 Ibid. P. 196.

39. Ibid. P. 202.

40. Ibid. P. 308.

взятые из «Отрывка» данные о пребывании мадам де Сталь в Москве.⁴¹

Итак, совершенно очевидно, что пушкинский «Рославлев» — это не «Рославлев», это отзыв на «Рославлева» Загоскина, поданный в форме записок, выдаваемых за подлинные. Собирался ли Пушкин с самого начала мистифицировать читателей или это пришло ему в голову только при публикации отрывка из «Записок» в 1836 г., жанр произведения остается одним и тем же: речь идет конечно, не об историческом романе, а о рецензии, обличенной в своеобразную форму. Рецензия эта должна публиковаться не под условным пушкинским заголовком «Рославлев», а под тем названием, которое он дал ей в своей публикации — «Отрывок из неизвестных записок дамы». Возможно, что в основном тексте следует печатать то, что входит в «Отрывок», опубликованный Пушкиным, а остальной текст, содержащийся в беловом и черновом автографах, следует печатать в разделе «Другие редакции и варианты».

---

41. Томашевский Б. В. Пушкин и народность. С. 447.

Государственный музей

А. С. Пушкина

НЕЗАВЕРШЕННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
А. С. ПУШКИНА

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Москва

1993